Лана Синявская – участница телевизионного проекта "Битва экстрасенсов"

Лана Синявская

Железная Дева

«Автор»

Синявская Л.

Железная Дева / Л. Синявская — «Автор»,

© Синявская Л.
© Автор

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 10
ГЛАВА 3 12
ГЛАВА 4 16
ГЛАВА 5 20
ГЛАВА 6 25
ГЛАВА 7 28
ГЛАВА 8 32
ГЛАВА 9 36
ГЛАВА 10 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Лана Синявская
Железная дева

ПРОЛОГ

Замок Сейт. 1654 г.

Тяжелая штора из темно-фиолетового плотного атласа, расшитого золотой нитью, трепетала от ветра, врывающегося в распахнутое настежь окно. Точно живая, она билась о стену, покрытую изысканным мозаичным узором. Этот звук напоминал хлопанье крыльев смертельно раненой птицы, отчаянно стремящейся взлететь, но обреченной умирать, истекая кровью.

Надо было бы закрыть окно, но никто из присутствующих в огромных покоях древнего замка даже не попытался это сделать.

В неясном полумраке их лица были едва различимы. Все четверо стояли возле небольшого мраморного возвышения с золотой купелью на самом верху.

Они ждали.

Их взгляды были прикованы к плотно закрытой двери, ведущей в покои. Они были совершенно не похожи друг на друга: старик с гладкой кожей младенца и глубоко запавшими глазами, в странной одежде, напоминающей птичье оперение; старуха с длинным крючковатым носом, морщинистой шеей и торчащими во все стороны седыми космами, закутанная в парчу и бархат, которые только подчеркивали ее уродство, две молодые девицы с лицами блудниц, разодетые в прозрачные ткани.

Они были разными. И все-таки кое-что объединяло их: выражение нетерпения, едва сдерживаемой страсти, написанное на всех, без исключения, лицах.

Откуда-то слева донесся едва различимый стон или вздох, тихий, почти неуловимый для человеческого уха. Казалось, он шел из глубины отвратительной бронзовой статуи, возвышающейся в центре залы. Фигура напоминала грубо слепленное тело какого-то божества, вероятнее всего – женщины, уродливая голова которой была увенчана подобием диадемы, в которой таинственно мерцали настоящие драгоценные камни. Одна из девиц повернула было голову на звук, но лишь на мгновение, потом она снова уставилась на дверь.

Секунду спустя дверь бесшумно отворилась, пропуская хрупкую женскую фигурку, полускрытую темным покрывалом. Она замерла на пороге, словно в нерешительности, затем легкая ткань соскользнула с плеч и плавно опустилась к ногам прелестной, как ангел, девушки, почти девочки.

Медленно, точно во сне, она сделала шаг по направлению к купели. Затем еще один, и еще. Она двигалась вперед, будто повинуясь приказу, слышному только ей одной, юное, прекрасное тело светилось в полумраке нежным перламутровым светом. Тяжелые, густые волосы волочились за ней по полу, точно золотой шлейф. Широко распахнутые глаза были устремлены куда-то вдаль, за пределы комнаты.

Девушка подняла ногу и поставила ее на мраморную ступеньку. Поднявшись к купели, она осторожно перешагнула через низкий борт и все так же медленно легла, вытянувшись во весь рост.

В полной тишине раздалось глухое бормотание старика, непонятный, пугающие слова срывались с его губ, эхом отдаваясь в каждом уголке огромных покоев.

Розовая кожа юной красавицы окрасилась в красный цвет. Свежая, теплая кровь, которой была наполнена купель, скрыла прекрасное тело.

Голос старика становился все громче, его глаза загорелись дьявольским огнем и наконец произошло то, чего все ожидали с таким нетерпением – кровь в купели заколыхалась, забурлила и захлестнула девушку с головой.

В этот момент все, кто стоял у подножия купели, в едином порыве издали что-то вроде стона, выражающего высшую степень наслаждения. Этот звук был гораздо громче того тихого всхлипа, который донесся со стороны бронзовой статуи…

ГЛАВА 1

Я сидела на жестком неудобном стуле который, ко всему прочему, отчаянно скрипел и испытывала непреодолимое желание задрать голову вверх и завыть на луну. Ну и что, что за окном – жаркий августовский день и вовсю светит солнце. Мне было так тошно, что я прекрасно обошлась бы и без ночного неба.

В просторной аудитории стоял ровный гул голосов, десятки мальчишек и девчонок, вчерашних школьников, сновали мимо меня, как мальки на отмели. Уже пять дней я смотрела на них и все отчетливее понимала, что стала совсем взрослой. Еще вчера я была моложе всех и умнее многих, а теперь… Вон их сколько вокруг: все моложе меня, и ум мой, увы, уже можно считать обычным жизненным опытом. А ведь мне всего двадцать четыре. Или уже?

Подошел серьезный паренек с намечающимся пушком над верхней губой и протянул тоненькую стопку листочков. Так… Посмотрим: аттестат, справка, анкета… Вроде все в порядке. Я занесла его данные в журнал и отложила бумаги в сторону. И так – целый день. Заканчивался срок, отведенный для приема документов, и абитуриенты шли сплошным потоком с утра до вечера.

А еще эти вечные глупые вопросы! За пять дней я сто раз отвечала, что в графе «образование» нужно писать «среднее», тысячу – что мать, торгующую на рынке китайскими шмотками, лучше назвать частным предпринимателем и миллион – что вместо ответа на вопрос о семейном положении надо ставить прочерк, а не перечислять всех имеющихся бабушек и дедушек. И кто только придумал этот вопрос? Откуда у этих малявок мужья и жены, хотя… Да, на сегодняшний день, пожалуй, вопрос актуальный. Акселерация!

Очередная абитуриентка прервала мои размышления и все по новой: аттестат, заявление, анкета, справка… Стоп, а где справка? Я еще раз пересмотрела лежащие на столе листочки. Так и есть, справки из поликлиники не хватало. Пришлось терпеливо объяснять хлопающей глазами толстушке с расстроенным личиком, что без формы У-86 документы принимать не положено. Девчушка, закусив губу, выслушала меня и отошла, понурив голову. Бедняга. Интересно, успеет достать справку или нет? Сейчас в поликлиниках жуткие очереди. Хорошо бы успела.

Я вздохнула, радуясь небольшой передышке.

Когда полгода назад я, Лиза Локтева, приняла решение переехать в этот город, мне казалось, что я поступаю правильно. Собственно говоря, так я думала и сейчас. После неприятного происшествия, в которое я угодила прошлым летом, слишком многое изменилось в моей жизни, что-то ушло из нее. Наверное, именно тогда я окончательно повзрослела.

Но и здесь, на новом месте, все оказалось не так-то просто. Квартиру я менять не стала, в ней осталась Зинка, девчонка-беспризорница, с которой я познакомилась в тот страшный период и которой была обязана спасением собственной жизни. Зинка отговаривала меня от переезда, испробовав для достижения своей цели все мыслимые и немыслимые способы. Но я твердо решила, что должна сменить обстановку, чтобы разобраться в себе и в том, как дальше относиться к жизни.

На новом месте я быстро нашла жилье, обзавелась многочисленными знакомыми и даже серьезным поклонником, вот только с работой не везло. У себя я считалась довольно известным художником и недостатка в заказах не испытывала.

Здесь все было по-другому. За шесть месяцев мне не удалось обзавестись ни одним более-менее постоянным клиентом, зато пришлось убедиться, что город буквально кишит безработными талантливыми художниками, в том числе и теми, кто работал в моей области, а именно – в книжной иллюстрации.

Если бы не Яна, моя новая знакомая, которая сообщила мне о появившейся вакансии на место секретаря в этом институте, я до сих пор перебивалась бы с хлеба на кефир. Гордость не позволяла мне вернуться домой, потерпев поражение, так что, очевидно, мне вполне реально угрожала голодная смерть на чужбине.

Кроме шуток, я была очень благодарна своей подружке, которая успела сказать мне о том, что прежняя секретарша ушла в декрет, до того, как на ее место выстроилась бы очередь желающих.

Конечно, нудная работа в приемной комиссии в тридцатиградусную жару это не совсем то, о чем я мечтала, но все же лучше чем ничего. У меня скулы сводило от скуки в спираль, хотелось бросить все и бежать, но были вещи, с которыми приходилось считаться: я должна что-то есть, где-то жить и во что-то одеваться, а для этого мне нужны деньги и пока что у меня имеется единственный способ их заработать: смирно сидеть на своем скрипучем стуле и выслушивать глупые вопросы этих желторотиков.

Мое внимание привлек громкий смех. Я посмотрела в ту сторону. Хохотушка, высокая рыжая девица в тесном голубом комбинезоне, стояла у противоположной стены и отчаянно строила глазки симпатичному брюнету, с ленивым одобрением следившему за ее стараниями.

– Безобразие! – Донеслось от соседнего стола возмущенное шипение. И сразу за этим свирепое: – Девушка, соблюдайте тишину!

Грозный рык прогремел как раскат грома. Мальки притихли и испуганно заозирались. Все, кроме возмутительницы спокойствия. Она, по-моему, даже не поняла, что гнев направлен именно на нее.

Я скосила глаза на соседку и усмехнулась про себя. Бедная Софья Николаевна! Меня уже успели просветить на ее счет и я знала, что ей сорок пять, она не замужем и никогда не была. Старая дева, характер – соответствующий. Глядя на ее сурово сведенные брови, я принялась гадать: от рождения у нее такое стервозное выражение лица или это благоприобретенное? Мне она совсем не нравилась: вечно в черном, даже в такую жару, с массивной золотой цепью, обвивающей дряблую шею и гладко зачесанными в строгий пучок жидкими волосами, с лоснящейся от косметики кожей. Брр.

Вообще-то Софья преподавала, но исправно торчала в приемной комиссии ради прибавки к зарплате. Представляю, чего ей это стоило, ведь молоденьких девчонок она на дух не выносила.

Я снова посмотрела на рыжую. Вот это выдержка! Даже бровью не повела. Наверное, все рыжие такие нахалки. Хотя это камешек и в мой огород – ведь я тоже рыжая. Хотя ее цвет волос – это что-то! Ни дать ни взять – яичный желток. Знаете, такой оранжево-желтый, от деревенских пеструшек? На фоне этого безумного буйства красок мои собственные медно-рыжие волосы выглядели почти благопристойно, хотя именно из-за них друзья окрестили меня Лисой. Я давно привыкла к этому имени и совсем не обижалась на него.

Понемногу толпа абитуриентов схлынула. Я посмотрела на часы. Ну ясно – без четверти пять. Можно потихоньку собираться домой.

Кроме рыжей хохотушки осталось всего двое. Наконец и они ушли, а она по-прежнему стояла у стены, не сводя влюбленных глаз со своего мачо.

Софья демонстративно громыхнула стулом, вставая со своего места. Это заставило девушку очнуться и посмотреть по сторонам. Похоже, то, что аудитория опустела, явилось для нее невероятным открытием. Она ойкнула, прикрыв рот ладошкой и ринулась к нам как ураган. Мгновенно оценив ситуацию, она сообразила, что со мной поладить проще и проигнорировав Софью, подошла к моему столу.

– Я документы сдать. – Сообщила она, широко улыбаясь. – Вот. Посмотрите. Анкету я заполнила. Остальное тоже в полном порядке.

Она выудила из сумки и протянула аккуратную синюю папочку из лавсана. Я машинально взяла ее в руки и приготовилась открыть, как вдруг услышала голос Софьи Николаевны, отдающий металлом:

– Мы закончили работу, девушка. – Она даже не пыталась замаскировать откровенное злорадство. – Приходите завтра, с девяти до пяти.

Рыжая посмотрела на меня умоляюще. Я сразу догадалась, что означал этот взгляд:» У меня свидание вот с этим потрясным кадром, я должна быть в форме. Будь человеком, избавь меня от бумажек!»

Вообще-то мне ничего не стоило принять у нее документы. Всех дел на пять минут, но Софья, заметив мою попытку открыть папку, рявкнула тоном, не терпящим возражений:

– Лиза, не делайте глупостей. Вы не обязаны сидеть здесь до ночи. А вам, девушка, вместо того, чтобы чесать языком и мешать другим абитуриентам, нужно было сдать документы вовремя.

Я почувствовала себя полной идиоткой. С Софьей ссориться было опасно. Она из тех, что запросто могут затаить обиду из-за любого пустяка и затем с удовольствием напакостить за спиной. Терять с трудом доставшуюся работу не хотелось, поэтому я с сожалением возвратила девушке папку, стараясь не выдать раздражения по поводу вмешательства Софьи Николаевны.

Тем временем та, даже не пытаясь скрыть торжества по поводу одержанной победы, прошла к выходу, гулко стуча квадратными каблуками. Я хмуро смотрела ей вслед, прикусив губу, пока ее прямая как палка спина не скрылась за двурью.

Оглянувшись на парня, который скорчил нетерпеливую гримасу, рыжая предприняла еще одну попытку:

– Может, все-таки возьмете? – Робко спросила она.

– Извините. Вы же слышали. Приходите завтра.

– Хорошо, я приду завтра. – Закивала она. Длинная огненная челка упала на лоб, занавесив дерзкие глаза. Она нетерпеливо отвела ее тонкой рукой. – Можете зарегистрировать их завтрашним числом, но, умоляю, оставьте их сегодня у себя! Я не успею сейчас занести их домой, а если возьму с собой на дачу – обязательно потеряю. Вы только проверьте, там все в порядке. Пусть полежат до утра, хорошо?

Я посмотрела на ее жалобно скривившиеся губки, потом перевела взгляд на симпатичного мальчика у двери и… согласилась. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что Наташа Петрякова – так звали рыжую – не обманула, ее документы действительно были в полном порядке. Я отложила их в сторону и взяла свою сумку.

Наташа, сверкнув напоследок счастливыми глазами, поблагодарила меня, подбежала к своему парню, схватила его за руку и потащила за собой к выходу. Он благоразумно не сопротивлялся: бедолага сразу понял, что в противном случае рукав его рубашки придется вшивать заново.

Вот это энергия! – Подумала я с улыбкой, оставшись одна в пустой аудитории. Закрыв все окна и в последний раз осмотревшись, я вышла и заперла дверь на ключ.

В коридоре я неожиданно столкнулась с Софьей Николаевной, спешащей мне навстречу.

– Ты уже закрыла? – Спросила она, слегка запыхавшись.

– Да. Вы что-то забыли?

– Проездной. Купила сегодня, а в сумку не положила. Ну, ладно, давай ключ, я потом сама сдам на сигнализацию.

Я кивнула, подумав, что сейчас она непременно заметит на моем столе синюю папку Петряковой, но сделать уже ничего не могла и отдала ключ. Махнув рукой на возможные неприятности, я направилась своей дорогой.

ГЛАВА 2

Квартирка, которую я снимала, располагалась в хрущевке, на пятом этаже и вела туда запущенная лестница, ступеньки которой за много лет были стерты сотнями ног жильцов и их гостей. Поднимаясь, следовало соблюдать особую осторожность, так как кое-где из выщербленных ступеней торчали острые куски арматуры. После четвертого этажа можно было вздохнуть свободнее, здесь лестница пострадала значительно меньше. Я посмотрела наверх и увидела возле своей двери пару знакомых кроссовок. Мне было прекрасно известно, на чьи ноги они обуты и я вздохнула: совсем вылетело из головы, что сегодня должен зайти Борис. Всю дорогу домой я мечтала только о том, как залезу в ванну, смою пыль и грязь и завалюсь с книжкой на балконе, на своей любимой раскладушке.

Причина моего огорчения, завидев меня, радостно заулыбалась, продемонстрировала коробку с тортом и бутылку вина. Я улыбнулась в ответ, стараясь, чтобы это получилось как можно естественнее. Не стоит огорчать человека, когда он старается тебе угодить.

Борис был женихом, прямо скажем, завидным: блондин (терпеть не могу блондинов), высокий и поджарый (мне нравятся широкоплечие, пусть даже не очень высокие), обожающий спорт (я сама не делаю даже зарядку) и весьма неглупый. Вот именно последнее качество мне нравилось безоговорочно. Ради увлекательных бесед про все на свете я была готова смириться со всем остальным и даже с тем, что Борис работал в милиции. Не то, чтобы я не любила милиционеров, нет, они тоже бывают разные и иногда даже хорошие, но работа в этой структуре кого угодно сделает циником, а мне и своего собственного цинизма вполне хватало, хотелось иногда романтики.

Тем не менее с появлением в моей жизни Бориса, пребывание в этом городе стало намного приятнее. Мы прекрасно ладили. У нас вошло в привычку пару раз в месяц спать в одной постели, но это не было самоцелью и не слишком много значило для нас обоих. Наши отношения мало напоминали страстный роман, но мы оба ими дорожили. Возможно, со временем нам предстояло пожениться, но пока нас устраивало все как есть.

– Привет! – Привстав на цыпочки, я чмокнула Бориса в щеку и полезла в сумку за ключами.

В прихожей, где с трудом могли развернуться полтора человека, я скинула туфли, забрала у него торт, бутылку и понесла их на кухню. Поставив подарки на стол, я первым делом распахнула настежь все окна, устроив настоящий сквозняк. Я знала, что Борис терпеть этого не может, но, в конце концов, это все-таки моя квартира!

Чтобы не видеть выражения неодобрения на его лице, я быстренько проскользнула в ванну и с наслаждением сунула голову под кран. Самое главное, я добралась до воды, – блаженно жмурясь, думала я, чувствуя, как прохладная струя смывает остатки досады, – а книжку можно почитать и завтра.

– Ты кого-нибудь ждешь? – Поинтересовался Борис, просовывая голову в дверь.

– Нет, а что? – Ответила я и тут же услышала звонок в дверь.

Времени натягивать одежду не было, поэтому я завернулась в большое махровое полотенце и, шлепая босыми мокрыми ногами по полу, отправилась открывать.

Это была Галина Яковлевна, моя соседка. Увидев меня в полотенце, она смутилась и начала торопливо извиняться:

– Ой, Лиза, прости что помешала.

– Ничего страшного, Галина Яковлевна, проходите.

Соседка нерешительно шагнула за порог и застыла с открытым ртом, глядя куда-то за мою спину. Я обернулась. На пороге комнаты, привалившись к косяку, невозмутимо высился мой ненаглядный.

– Ты не одна? Как неудобно! – Пробормотала Галина Яковлевна, пятясь к двери.

– Все в порядке. Это мой старый друг. – Заверила я, одновременно пытаясь взглядом сообщить Борису все, что я о нем думаю. Он понял и удалился, сохраняя достоинство. Но соседка уже заторопилась уходить.

Ситуация и впрямь была дурацкая. На всякий случай я спросила:

– У вас ничего не случилось?

– Слава Богу, нет. Я насчет дочки. Но это может подождать до завтра. Еще раз извините.

Я не стала ее удерживать, тем более, что в присутствиии Бориса она все равно не стала бы разговаривать, а выпроводить мне его некуда, разве что на балкон. С соседями мне повезло, они мне нравились, чего нельзя было сказать о поступке Бориса. До сих пор он играл по моим правилам и ничего подобного себе не позволял. Я решительно вошла в комнату. Борис сидел в кресле, глядя на меня невинными глазами.

– И что все это значит? – Прорычала я, уперев руки в бока.

– Ты о чем?

– Не придуривайся. Я о твоем появлении в коридоре. не стоило афишировать свое присутствие в моем доме. Тетя Галя невесть что подумает.

– Ах ты об этом! – Хмыкнул Борис. – Что за глупые предрассудки? Твоим соседям давно пора узнать о том, что у тебя есть жених.

– Кто у меня есть?

– Произношу по буквам: ж-е-н-и-х. Дошло?

– Почти.

– Я рад за тебя. У нас серьезные отношения. Ты мне ужасно нравишься и пора уже подумать о том, чтобы оформить отношения…

– Мы никогда не говорили о женитьбе. – Оборвала его я.

– Разве? Хотя, возможно. Я думал, ты и сама все понимаешь. Пожал плечами Борис.

Я промолчала. Конечно, он был прав, но почему-то это не доставляло мне удовольствия. У меня было смутное ощущение, что девушка, которой только что сделали предложение, должна себя чувствовать как-то иначе. Все еще хмурясь, я проворчала:

– И все-таки, прежде чем хозяйничать в моем доме, неплохо было бы спросить мое мнение.

– Все, как ты захочешь, моя королева. – Борис отвесил шутливый поклон и протянул ко мне руки. – Ну, иди сюда.

Я послушно придвинулась к нему, не сопротивляясь настойчивым ласкам. Наскоро закрепленное полотенце соскользнуло и мягко упало к моим ногам.

ГЛАВА 3

Только к концу следующего дня до меня дошло, что Петрякова так и не явилась. Хорошо хоть Софья, похоже, не заметила папку, оставленную у меня безалаберной рыжей нахалкой. Я разозлилась, что меня провели как ребенка и пообещала себе, что как только она все-таки появится, отыграюсь за все.

День спустя мои чувства изменились. Поводом послужил визит усталой и напуганной женщины средних лет. Я не могла не заметить ее припухших, покрасневших глаз и сразу же почувствовала неладное, хотя в первый момент неприятность никак не связывалась в моей голове с Петряковой.

Меньше всего эта простоватая на вид женщина с добрым лицом походила на мать такой стильной и современной девицы, какой была ее дочь.

– Извините, – неуверенно проговорила женщина, поймав мой внимательный взгляд, устремленный в ее сторону, – вы не могли бы мне помочь?

– Конечно. Чем конкретно?

– Моя дочь, Наташа Петрякова собиралась подавать документы в ваш институт…

– Знаю. – Неохотно подтвердила я, предвидя дальнейшее развитие событий: девица нашла занятие поинтереснее, чем корпение над учебниками и подослала мать, чтобы та забрала оставленные документы. Но я ошибалась. Женщина внезапно побледнела и покачнулась, схватившись рукой за сердце.

– Что с вами? Вам плохо? – Я вскочила, собираясь броситься ей на помощь. Она выглядела такой слабой, что я опасалась как бы она не упала.

Софья Николаевна с интересом наблюдала за развитием событий, но предпочитала не вмешиваться.

– Нет, нет. – Остановила меня наташина мать. – Не беспокойтесь. Со мной все в порядке. Скажите, вы правда видели Наташу? Когда?

– Позавчера. – Немного удивилась я, не понимая, куда она клонит. – Вот ее документы, в папке. Она оставила их, но на следующий день не пришла. А что случилось?

– Не знаю. – Прошептала женщина, глотая слезы. – Она… она пропала. Два дня назад ушла подавать документы и пропала.

Я растерялась, но быстро пришла в себя. Мне не показалось, что Наташа относится к категории «домашних» девочек. Напротив, она производит впечатление весьма легкомысленной особы. Конечно, всякое бывает, но в этом случае, пожалуй, поводов для волнения гораздо меньше. Не исключено, что девица в данный момент преспокойно развлекается где-то, совершенно не заботясь о том, что мать от тревоги за нее почти на грани инфаркта.

Все что я могла сделать для несчастной женщины, это рассказать, в какое время ушла из этой аудитории ее дочь и описать парня, который ее сопровождал. Выслушав меня, женщина попросила проводить ее к ректору, что я и сделала, прекрасно понимая, что он ей вряд ли поможет.

Вернувшись на свое место, я наткнулась на пристальный взгляд Софьи Николаевны. Она ехидно прищурилась и спросила:

– Вы все-таки сделали по-своему, Лиза? Видите, к чему это привело?

– Можно подумать, что девчонка исчезла потому, что я приняла у нее документы на пять минут позже положенного срока. – Вяло огрызнулась я. Софья не удостоила меня ответом и отвернулась.

Мне стоило немалых усилий досидеть до конца рабочего дня. Я то и дело посматривала на дверь где-то в глубине души надеясь, что вот-вот объявится Петрякова, но ждала я напрасно.

В половине пятого в аудиторию бочком прошмыгнула моя подружка Яна, опасливо косясь на склонившуюся над бумагами Софью Николаевну. Оказавшись возле моего стола, Яна выразительно постучала по циферблату крошечных изящных часиков, болтавшихся на запястьи. Я поняла ее и кивнула. Сегодня я не собиралась задерживаться на работе ни на секунду дольше положенного, поэтому, быстро побросав в сумку разложенные на столе расческу, ручку и зеркальце, решительным шагом направилась к выходу. На мое «до свидания» Софья не прореагировала.

Янка заговорила только когда мы оказались в коридоре.

– Ну и мымра эта Софья. – Фыркнула она, бодро стуча каблучками. – Чего она на тебя крысится?

– Что, так заметно?

– А то нет. Зыркает, как людоедка туземная. Признавайся, чем ты ей так насолила?

– Да ничем, если быть точной. Но ты же ее знаешь, она всегда найдет к чему придраться.

Янка кивнула. Я понимала ее беспокойство. Если Софья решит выжить меня из института, Яне тоже достанется, ведь именно она порекомендовала меня на эту должность.

Яна была очаровательной девчонкой и хорошей подругой. Младше меня на пять лет, она оказалась довольно сообразительной для своего возраста и потому стала приятной собеседницей. В зависимости от моего настроения она могла и пошутить, умно и к месту, а могла и поддержать серьезный разговор, что называется – за жизнь. Хотя шутила, пожалуй, чаще. Мне нравились ее легкость и некоторая наивность, присущая только юности. Что ей нравилось во мне не знаю, но мы прекрасно находили общий язык и с удовольствием проводили свободное время вместе.

Сейчас она шагала рядом, с интересом слушала мой рассказ о Петряковой, не забывая слизывать мороженое, которое мы купили по дороге. Когда я дошла до визита матери пропавшей абитуриентки, Яна перебила меня. Ее вопрос поставил меня в тупик:

– Выходит, ее так и не нашли? – Небрежно спросила Яна.

– Как это понимать? – Вытаращилась я на ничего не подозревающую девушку. – Откуда ты знаешь, что она пропала? Ведь это еще…

– При чем тут я? – Пожала она плечами. – Весь институт знает, и уже давно. – Она откусила приличный кусок вафельного стаканчика вместе с содержимым, глянув на меня с любопытством.

– Постой-ка. – Сказала я и сама остановилась посреди тротуара. На меня тут же налетела тетка с котомками, ощутимо толкнув в плечо. Но я даже не обратила на это внимания. Янка тоже притормозила, уставившись на меня громадными карими глазами. – Откуда весь институт может знать о девушке, факт исчезновения которой стал известен всего пару часов назад?

– Лисичка, ты что-то напутала. Или мамашка тебе голову заморочила. Девчонка пропала давным-давно. Ее фотка на доске объявлений уже пылью покрылась. – Уверенно сказала Яна. – Ты разве не видела? Ведь каждый день мимо ходишь!

– Я в самом деле ничего не понимаю. – Вздохнула я и медленно двинулась вперед, но сделав несколько шагов, снова остановилась. – Позавчера я видела Петрякову собственными глазами. Рыжая такая…

– Как ты?

– Нет. Хуже. У нее голова – как подсолнух.

– Ух ты! – Восхищенно выдохнула Яна. – Может, мне тоже в такой цвет выкраситься? – Она взъерошила рукой свои волосы и лукаво глянула на меня из-под растрепенной челки. В эту минуту она до того смахивала на шкодливого щенка, что я невольно рассмеялась, но тут же сделала серьезное лицо. Янка моментально уловила перемену в моем настроении и скорчила преувеличенно деловитую рожицу.

– По-моему, мы говорим о разных девушках. Та, что на доске, вовсе не эта… как ее… Петрякова. – Предположила она. – Я вообще-то особенно не присматривалась. Да и фотка так себе, с ксерокса.

– Давай вернемся и проверим? Если ты права, то это мне совсем не нравится. Когда пропадают два человека в одном месте – это уже система.

– Ты что, спятила? – Обиделась Янка. Ее недовольство было мне понятно: мы уже отошли от института на приличное расстояние. Но мне почему-то непременно хотелось взглянуть на фотографию. Видя, что я не собираюсь передумывать, Янка взмахнула рукой от досады и тут же посадила себе пятно на свежевыстиранную блузку.

– Вот черт! – Выругалась она и попыталась стереть пятно, но оно только размазалось еще больше: к сожалению, Янка отдавала предпочтение только шоколадному мороженому.

– Твоя взяла. – Вздохнула она, выбрасывая протекающий стаканчик. – Пошли смотреть на твою «похищенную». Заодно в туалете пятно замою.

Доска объявлений размещалась на втором этаже, возле деканата и занимала полстены. Я и в самом деле проходила мимо нее как минимум дважды в день, но только теперь заметила невзрачный листок бумаги с не слишком отчетливой фотографией молоденькой девушки. С первого взгляда стало ясно – это не Петрякова.

– Когда, говоришь, пропала эта… Таня? – Уточнила я, с трудом разглядев имя девушки, напечатанное мелким шрифтом.

Янка, все это время со скучающим видом изучавшая давно не беленный институтсткий потолок, добросовестно нахмурила бровки, припоминая.

– Когда пропала – не знаю, а объявление, вроде, с начала июля болтается.

– Больше месяца. – Машинально подсчитала я.

– Да брось ты голову ломать. Могу поспорить, что девчонка давно нашлась, а фотку просто забыли снять.

– А если нет?

– Фигня. Девка где-то оттягивается. Можешь мне поверить. Трахалась, небось, на какой-нибудь дачке, потом явилась домой как ни в чем ни бывало, а предки от радости забыли про все на свете.

Меня передернуло от ее грубости. В ее возрасте я была доверчива и переполнена романтики, чуть-чуть наивна, быть может. А Яна совсем другая. Возможно, это что-то вроде защитной реакции, мол вот, смотрите, я все повидала и мне ничто не страшно. Хорошо, если так. Мне не хотелось верить, что по большому счету хорошая девчонка насквозь цинична, но я так и не научилась понимать, что у нее на уме, где игра в «большую», а где – ее истинное лицо.

– Ну что ты болтаешь? – Поморщилась я. – Как у тебя язык не отсох – говорить такие гадости. Тем более про эту девочку.

– А что? – С вызовом спросила она, не глядя мне в глаза.

– Ты фотографию этой Тани внимательно рассмотрела?

– А зачем? Она же не Рикки Мартин, чтоб на нее любоваться. Она продолжала упорствовать, но на фото все же взглянула и присвистнула. – Ну и рожа…

– Прекрати. – Рявкнула я. – Девочка действительно некрасива, но это не повод над ней насмехаться. Посмотрела бы я на тебя, если бы у тебя было такое лицо.

– Ой, лучше не надо. Но ты права, с такой ро… таким личиком она вряд ли кого подцпит. Вопрос о дачке снимается с повестки дня, хотя… некоторые оригиналы любят страшненьких.

Я ее не слушала, думая о том, что, кажется, опять пытаюсь влезть не в свое дело. Ну какая мне разница? Пропали девочки, не пропали девочки. Я их обеих знать не знаю, у них есть родители, знакомые, друзья, милиция, наконец, тоже пока существует… местами. Мое дело – сторона, повторения прошлогодних событий мне не надо. В этот раз может и не повезти…

Мы вышли из института. Яна давно выбросила из головы и красотку Наташу и дурнушку Таню и полностью сосредоточилась на новой порции мороженого. «Вот с кого надо боать пример.» – Усмехнулась я про себя. – «Каждый должен заниматься своим делом.»

ГЛАВА 4

Наши посиделки в кафе с Яной затянулись до самого вечера, так что домой я добралась только в начале девятого. У Бориса сегодня дежурство, так что мне не нужно было ни перед кем оправдываться. Я предвкушала уютный домашний вечер, посвященный себе, любимой, но осуществление своей мечты пришлось несколько отодвинуть, так как в мою дверь позвонили. Визит соседки и ее дочери меня не огорчил, а, скорее, даже обрадовал: с этим семейством у меня сложились прекрасные отношения.

Все еще чувствуя неловкость от вчерашней выходки Бориса, я приветствовала их еще более тепло, чем обычно и настояла, чтобы они согласились выпить со мной чаю. Когда пирожные, печенье и свежий чай были на столе, Галина Яковлевна рассказала о своей проблеме.

– Понимаешь, Лиза, моя Оксанка наконец-то надумала поступать в институт. – Сообщила она.

– Поздравляю. – Улыбнулась я и посмотрела на Оксану. Она улыбнулась в ответ застенчивой улыбкой, опустила глаза и покраснела.

– А куда собираешься поступать? – Спросила я девушку.

– В медицинский. – Прошептала она едва слышно и принялась теребить кончик льняной салфетки.

Я постаралась скрыть удивление и посмотрела на ее мать, ожидая объяснений. Дело не в том, что я работала как раз в медицинском институте, а в том, что у меня имелись сильные сомнения относительно добровольного выбора учебного заведения самой Оксаной. Насколько мне было известно, робкая полненькая соседка, только что закончившая школу, всерьез увлекалась моделированием одежды и, что самое главное, определенно имела талант. Она частенько забегала ко мне, чтобы показать наброски и я немного помогала ей поставить руку. Несмотря на мою уверенность в способностях девушки, я не решилась высказать вслух свои сомнения ее матери.

– Ты правда хочешь стать врачом? – Спросила я Оксану.

Девушка не успела ответить. За нее это сделала ее мать.

– Какой разговор? Конечно, хочет. Главное не профессия, а высшее образование.

Весьма спорное утверждение. Сколько бродит по свету таких высокообразованных, которые тихо ненавидят свою работу, страдают сами и заставляют страдать других. Тем более, если речь идет о враче…

– Я понимаю, о чем ты думаешь, – кивнула Галина Яковлевна, не получив от меня ожидаемой поддержки, – но художник, тем более – модельер – это не профессия. Пробиваются единицы, но Оксана не из их числа. Ты только посмотри на нее, ее же съедят на завтрак эти акулы модельного бизнеса!

– Мне кажется, что талант…

– Ох, не надо, Лиза. У тебя действительно талант и то что-то не заметно, чтобы благодаря ему ты ела с золотых тарелок. – Она выразительно обвела глазами довольно убогую обстановку комнаты. Не обижайся. Я считаю, что ты прекрасный художник, профессионал, но Оксанка – всего лишь любительница. В конце концов, я же не настаиваю, чтобы она бросила свое увлечение. Будет шить свои модели в свободное время. Закончит институт, получит диплом, а потом – все что угодно. Модельером можно стать и в сорок лет.

Русая головка Оксаны опустилась еще ниже. Длинные волосы, заколотые над ушами маленькими изящными заколками, кстати, сделанными ее собственными руками, занавесили покрасневшее личико с влажными от подступающих слез глазами.

Но ее маму это ничуть не тронуло. Она была твердо убеждена в своей правоте и я понимала, что спорить бессмысленно.

– А на какой факультет она будет поступать? – Спросила я.

– Вот как раз по этому вопросу мы и пришли. – Оживилась Галина Яковлевна. – Подскажи нам пожалуйста, где конкурс поменьше?

Мне показалось, что я ослышалась, и я уточнила:

– Вы хотите сказать, что вам все равно, куда она поступит?

– Ну, не то чтобы совсем все равно… – Замялась Галина Яковлевна и слегка покраснела. – Просто хочется, чтобы наверняка. Не хочется понапрасну терять год. Пусть уж поступит, а там, в случае чего – переведется.

– Но она же медалистка! – Воскликнула я.

– Ну и что? – Тетя Галя, чувствуя себя не в своей тарелке, взглянула на меня неодобрительно. – Попадется сложный вопрос, недоберет баллов. Опять же – блатные, их-то обязательно возьмут, а остальных – как получится. И прощай год. Нет, так не годится. Ты уж, Лизок, подскажи, чтобы не ошибиться.

«Вся эта затея с поступлением – одна сплошная ошибка!»– Хотелось крикнуть мне, но разве это что-нибудь бы изменило? И потом, будь у меня самой взрослая дочь, возможно, и я поступила бы так же. Поэтому кричать я не стала, а спокойно сказала:

– Самый маленький конкурс – на терапевтическое. Сейчас все рвутся на косметологов и фармацевтов.

– Вот и замечательно! – Обрадовалась Галина Яковлевна. – Терапевт – профессия нужная. Не пропадешь. Правда, доченька?

Оксана обреченно кивнула. Одна предательская слезинка сорвалась с длинных ресниц и упала в чашку с недопитым чаем.

Пока я убирала со стола посуду после ухода гостей, мыла ее и ставила в сушилку, я, не переставая, думала об Оксане, невольно сравнивая ее с Янкой. Вот уж та сумела бы настоять на своем!

* * *

Следующие два дня были выходными. Борис, желая мне угодить, раздобыл две путевки на турбазу, где мы замечательно провели время, вылезая из реки только для того, чтобы погреться на солнышке. Это были поистине божественные дни, так как мне удалось заставить себя забыть обо всем, быть самой собой и не думать ни о каких проблемах.

Кроме того, представился подходящий случай обновить мой новый купальник более чем легкомысленного фасона, оставляющий снаружи все что можно и нельзя. Я валялась на пляже, наслаждаясь дерзновенностью своего костюма и собственной смелостью.

Но все хорошее когда-нибудь кончается.

Увы, в понедельник на работе меня ожидал сущий ад, тем более ощутимый на фоне прекрасного уик-энда. Оставалось всего два дня до конца приема документов и с самого утра в приемной комиссии было не протолкнуться. Едва мне удалось протиснуться к своему рабочему столу, как сразу же выстроилась очередь. Я все же успела заметить в другом конце зала знакомую русую макушку, появление которой означало, что Оксана так и не посмела ослушаться мать. «Ну что же, от учебы в институте еще никто не умирал.»– Философски подумала я, не подозревая даже, что в самом скором времени мне придется с болью вспоминать эту фразу.

К концу дня моя голова превратилась в кипящий котел, в ушах звенело, тело стало липким от пота. Чувствовала я себя – хуже не бывает. От мысли о том, что предстоит еще один такой же день завтра, у меня начинались судороги. Утешало только то, что впереди целая ночь и мне удастся отдохнуть и хотя бы частично прийти в себя.

Но я ошиблась. Неприятности, которых я ждала только на следующее утро, начались гораздо раньше.

Неприятности начались ровно в полночь. Время я определила, когда смогла продрать глаза и сфокусироваться на часах. Час назад я завалилась в постель, намереваясь проспать свои законные восемь часов как убитая. И вот на тебе – кто-то настойчиво трезвонит в дверь.

Сначала я вообще на собиралась открывать. Перевернулась на другой бок и накрыла голову подушкой. Потом я решила, что стоит подумать о том, чтобы сменить дверной звонок – этот трезвонил так громко, что подушка не помогала. Когда я додумала эту мысль до конца, стало ясно, что я уже окончательно проснулась, и так как звонки не прекращались, мне оставалось только открыть дверь и выместить зло на незваном госте.

Ругательства застряли у меня в горле, когда я обнаружила на пороге своей квартиры Галину Яковлевну в домашнем халате. Она выглядела так, словно не спала двое суток. У меня по коже побежали мурашки от неприятного предчувствия.

– Лиза, Оксана не у тебя? – Огорошила меня тетя Галя. Вопрос был настолько глупый, что мои подозрения насчет неприятностей только усилились. Оксана никогда не задерживалась у меня позже восьми и соседке это было прекрасно известно. Если она пришла искать дочку у меня, значит все остальное уже испробовали. Оксана домой не вернулась. Это на нее совсем не похоже и тревога Галины Яковлевны мне понятна.

Все эти мысли пронеслись в моей голове в одну секунду. Я посмотрела на Галину Яковлевну и увидела, что она плачет.

Я заставила ее войти, отвела в комнату и усадила на свою разобранную кровать.

Пять минут спустя я знала все. Оксана ушла из дома еще утром. Она собиралась в институт, подавать документы. Я могла это подтвердить, так как видела ее собственными глазами. Но это было не позднее девяти часов утра, а Оксана за весь день ни разу не дала о себе знать, хотя должна была вернуться к обеду. Родители заволновались ближе к вечеру. Обзвонили подруг, родственников, даже тех, с кем не общались по несколько месяцев, но девочки нигде не было. Оставалось неясным, куда она вообще могла направиться из института? Туда, кстати, тоже звонили. Но в приемной сказали, что девушка не подавала документов.

– Не может быть. – Не поверила я. – Я сама ее видела.

Тут у меня появилась идея, но я не спешила поделиться ей с расстроенной соседкой. Возможно, Оксана в последний момент приняла решение не поступать в медицинский, нарушив тем самым волю родителей. Такой шаг, безусловно требовал смелости. Но одно дело взять и уйти и совсем другое – сообщить о своем решении родителям. Эта простая догадка давала возможность думать, что Оксана отсиживается у кого-то из знакомых. Остались всего сутки. Потом прием документов прекратится и ей будет легче настоять на своем. Мысль, конечно, хорошая, но где взять доказательства, что так все и было?

В конце концов я решила выложить свои догадки Галине Яковлевне. По-моему, подобное поведение послушной Оксаны показалось ей еще более невероятным, чем возможное несчастье.

– Ты думаешь, она могла так поступить с нами? – Растерянно спросила тетя Галя.

– Все может быть. – Как можно мягче ответила я.

– Но ведь она всегда была такая послушная! Слова поперек не скажет!

«Если долго сжимать пружину, то в конце концов она выстрелит». – Подумала я, но промолчала.

С большим трудом мне удалось немного успокоить соседку, но сама я после ее ухода не смогла заснуть. Меня не покидала тревога. Я помнила, что из стен нашего института уже исчезли две девушки и подобная информация служила плохим фоном для радужных надежд. Мне удалось быть убедительной, когда понадобилось вселить надежду в обеспокоенную мать, но саму себя убедить в этом оказалось намного труднее. Видит Бог, у меня были основания тревожиться за Оксану!

Обняв себя за плечи, я забилась в угол кровати, повторяя как молитву: пусть Оксана вернется, пусть с ней все будет в порядке!

ГЛАВА 5

До рассвета я чутко прислушивалась к тому, что делается на лестничной клетке, надеясь уловить звук шагов беглянки, но было тихо. Прежде чем отправиться на работу, я позвонила в соседнюю квартиру, рассчитывая, что Оксана могла связаться с родителями по телефону.

Открыл дядя Валера. Его покрасневшие глаза и углубившиеся морщины дали ответ раньше, чем он успел сказать хоть слово. Он старался выглядеть спокойным, но я заметила, как дрожат его руки.

– От Оксаны никаких известий. – Сказал он, не дожидаясь вопроса. – Жена ушла в милицию, хочет подать заявление, да что там…

Он безнадежно махнул рукой.

– Может, стоит еще раз обзвонить подруг? А еще лучше – съездить к ним. Возможно, они просто из солидарности скрывают ее присутствие.

Дядя Валера кивнул. Вряд ли в другой ситуации он стал бы прислушиваться к советам малознакомой соседки, к тому же вдвое моложе себя, но неожиданная беда стерла условности. Оцепеневший после бессонной ночи отец не возражал – он был рад, что кто-то принимает решение вместо него. Я смотрела на его осунувшееся лицо, с трудом сдерживая волнение.

Скрипнула дверь в глубине коридора. Я повернула голову на звук и увидела Тобика, любимого щенка Оксаны. Обычно он встречал меня заливистым лаем, но сегодня не обратил никакого внимания, проковылял к своему коврику и со вздохом улегся на место, положив голову на лапы.

– Он со вчерашнего дня такой. – Пояснил дядя Валера. – Не ест, даже от воды отказывается, только лежит и вздыхает. Чувствует, наверное, что с хозяйкой беда случилась.

– Ерунда. – отрезала я, стараясь, чтобы голос звучал как можно увереннее. – Просто вы волнуетесь, а собаки это очень тонко чувствуют.

– Спасибо тебе, Лиза. – Дядя Валера посмотрел на меня с благодарностью и я отвела глаза, чтобы он не заметил моего страха. Пообещав выяснить все подробности в институте, я поспешно попрощалась.

День прошел как в тумане. Наплевав на свирепые взгляды Софьи Николаевны, я потратила полчаса, чтобы трижды просмотреть все поданные документы за вчерашний день. Мои старания оказались напрасными. Документов Оксаны среди них не оказалось.

С тяжелым сердцем я вернулась к работе. Очень хотелось позвонить соседям, но мне было страшно: вдруг Оксана все еще не объявилась? Мой звонок только еще больше расстроит их, да и мне спокойствия не прибавит.

К трем часам поток абитуриентов неожиданно схлынул, воспользовавшись этим, я выскользнула за дверь и помчалась в деканат. Не давая себе возможности передумать, решительно набрала знакомый номер.

Новости были отвратительными. В милиции к заявлению Сазеевых отнеслись более чем прохладно. Дело завести отказались, упирая на положенные трое суток. Интересно, преступник, прежде чем разделаться со своей жертвой, тоже будет ждать трое суток? – Зло подумала я, слушая, как Галина Яковлевна, всхлипывая, рассказывает об оскорбительных намеках грубого капитана, сделанных в адрес девочки.

Мои утешения были бесполезны. Дело приняло серьезный оборот. Теперь я уже не сомневалась – с Оксаной что-то случилось. И случилось это либо в этих стенах, либо по дороге домой. Первое вероятнее, потому что, если она не намеревалась отказаться от поступления, то почему не сдала документы?

Положив трубку, я долго сидела, неподвижно глядя в одну точку. Требовалось немедленно что-то предпринять, но что?

Я решила позвонить единственному человеку, который обязан был знать, что следует делать в подобной ситуации. Я позвонила Борису.

Его реакция на мой звонок неприятно меня поразила.

– Чего вы паникуете раньше времени? – Спокойно спросил он. Судя по всему, мой взволнованный рассказ не произвел на него никакого впечатления.

– Но ведь девушка не ночевала дома!

– Ну и что? Тебе неизвестно как это бывает?

– Известно. Но это не тот случай.

– Почему?

– Оксана не такая. Она скромная, застенчивая. У нее и парня-то по-моему нет.

– Это по-твоему. – Насмешка в его голосе задела меня за живое.

– Слушай, не издевайся, пожалуйста. Знаю, ты весь из себя такой бывалый и опытный, а мы – так себе, суетимся понемногу. Но я видела ее родителей. Они измучены. И им нет дела до ваших взглядов на молодежь. У них дочь пропала. Единственная.

– Родители должны волноваться. Это закон природы. Материнский инстинкт называется. Но это не повод впадать в истерику, если девчонка одну ночь провела вне дома.

– Ну, знаешь ли… – Я задохнулась от возмущения.

– Вот именно – знаю. Если ты немного успокоишься и попробуешь рассуждать здраво, то сама поймешь, что я прав.

– Ты не прав.

– Прав. Вот послушай: каждый год к нам посткпает несколько сотен подобных заявлений…

– Вот видишь…

– Не торопись. Половина «потеряшек» находится сама собой в течении недели. Еще треть – в течение месяца-двух. И только оставшуюся часть можно действительно считать пропавшими.

– Но почему же вы их не ищете?

– Ищем. Но те две трети, так называемых, «ложных» заявлений отнимают на себя значительную часть времени и сил. Поняла теперь?

– Нет. Не поняла. Как вы можете определить сразу – ложная тревога или нет? Что, если с человеком, именно с этим самым человеком, которого вы три дня выдерживаете в «отстойнике», случилась беда? Он ждет помощи, надеется, что его вот-вот найдут, а вы еще и искать-то не начинали!

– Так положено. Таков порядок. – Вздохнул он. – Не я его придумал, не мне и менять. Мы встретимся сегодня?

Я чуть не зарычала от злости. Как он может? Оказалось очень даже запросто. Пока я подбирала слова для ответа, он повторил уже настойчивее:

– Так я зайду?

– Не знаю, Борис, я очень расстроена. – Мне хотелось добавить «и разочарована». – Позвони мне вечером.

– Как скажешь. – Недовольно бросил Борис и положил трубку.

В данный момент я была очень рада, что разговор проходил без свидетелей и никто не видел выражения моего лица в тот момент, когда я швырнула трубку на рычаг, иначе в списке подозреваемых мне было бы уготовано место под номером один.

Едва я успела отдышаться после неприятного разговора с «возлюбленным», который вместо ожидаемой помощи окатил меня волной казенного равнодушия, как дверь в деканат, деликатно скрипнув, отворилась и в комнату вошла молодая женщина.

Даже находясь в растрепанных чувствах, я не могла не заметить, что она представляет из себя нечто исключительное. Неправда, что мужчины – лучшие ценители женской привлека-

тельности, по-настоящему оценить внешность женщины может только другая женщина. Другое дело, что мы в жизни не признаемся, если обнаружим, что кто-то хоть на йоту привлекательнее, но оценить – всегда пожалуйста, особенно если это не просто красота, а некая изюминка. Именно это я сразу разглядела в незнакомке.

Высокая, изящная блондинка была не то чтобы красива, но, несомненно, привлекательна. Мне показалось, что ей не больше тридцати и хотя она была определенно старше меня, ее коже можно было только позавидовать – удивительно гладкая, того редкого цвета, который принято называть персиковым, хотя это определение выглядит несколько старомодным, впрочем, и кожи такой я что-то не встречала у своих современниц. Рекламные картинки не в счет: компьютерная ретушь с кем угодно творит чудеса. Лицо незнакомки было правильным, с темными, хорошо очерченными бровями и серыми глазами. Черные длинные ресницы выглядели натуральными, хотя не исключено, что тут не обошлось без дорогой косметики. Особенно меня заинтересовал ее рот, чуть больше чем следует, но необыкновенно выразительный, он, скорее всего доставлял хозяйке немало хлопот, так как был способен выдать ее сокровенные мысли даже скорее чем глаза.

Словом, увидев ее, я сразу же захотела написать ее портрет, но естественно, оставила свои мысли и желания при себе. И так я уже довольно неприлично пялилась на нее. Она смотрела на меня спокойно, по взгляду ничего прочесть было нельзя, глаза были абсолютно бесстрастны, но губы слегка сжались и я поняла, что она не в восторге от моего пристального внимания.

Тем не менее, когда она заговорила, ее голос звучал довольно дружелюбно.

– Вы, должно быть, новая секретарша? – Спросила она, слегка улыбнувшись.

– Да.

Интересно, кто она такая, если с первого взгляда смогла распознать чужака и сходу определила мою должность?

– Очень рада познакомиться. Меня зовут Ольга Васильевна Вентцель. – Продолжая улыбаться, представилась она.

– Лиза Локтева. – Ответила я и только тут до меня дошло, что я уже не раз слышала это имя. – Вы – декан?!

Она сделала вид, что не заметила моего откровенного удивления и протянула мне узкую ладонь, которую я робко пожала. Она ответила мне по-мужски твердо и решительно.

– Вы удивлены, что именно я руковожу факультетом? – Спросила она, явно забавляясь ситуацией.

– Уже нет. – Честно ответила я, припомнив ее рукопожатие.

В эту минуту дверь снова отворилась и в комнату вошла девушка. Вентцель бросила на нее рассеянный взгляд, еще раз кивнула мне и ушла в свой кабинет, смежный с приемной.

Я посмотрела на вошедшую. Если красота Ольги Васильевны была красотой совершенной и ухоженной, то стоящая передо мной девушка была хороша от природы. Даже обилие косметики на юном личике ее не портило. Ее прямые светлые волосы были распущены, черные атласные джинсы-стрейч облегали стройные бедра. Костюм дополняла блестящая белая кофточка из лайкры, расшитая бисером вокруг очень смелого декольте, на ногах – белые босоножки на платформе.

– Чем могу помочь? – Вежливо спросила я.

– Я – Инна Ежова. – Сообщила девушка, предварительно запихнув за щеку жвачку. Причем она произнесла это таким тоном, словно была, по меньшей мере, Бритни Спирс. Мне, однако, ее имя ни о чем не говорило и я продолжала смотреть на нее, ожидая продолжения. Оно последовало:

– Я на платное. Мне сказали, что надо заполнить договор.

– Одну минутку. – Кивнула я. Сверилась с бумагами, убедилась, что деньги за Ежову Инну Юрьевну поступили на счет и достала из папки бланк договора. – Вот, заполните, пожалуйста. – Я протянула ей два листочка. – Паспорт у вас с собой?

– Вроде бы. – Девушка порылась в сумочке, выудила паспорт и показала его мне.

– Замечательно. Можете сесть за свободный стол и заполнять. Если что будет непонятно – спрашивайте.

В нашем институте платные студенты были на особом положении, впрочем, как и во всех остальных учебных заведениях. За возможность не сдавать вступительные экзамены и в дальнейшем иметь более свободный график посещений они, или, точнее, их родители, выкладывали кругленькую сумму. Куда потом девались эти деньги понятия не имею, хотя предполагалось, что они должны оказаться хорошим подспорьем институту. Куда там. Здание давно не ремонтировалось, лабораторное оборудование износилось, а преподавательская зарплата была неприлично маленькой. Правда у нашего руководства появилось множество неотложных и чрезвычайно важных поездок, главным образом – за границу, но все они, само собой, были необходимы для дальнейшего развития образовательного процесса в нашем институте. И попробовал бы кто-то возразить. Хотя нет. некоторые, самые смелые, пробовали. В результате загранпоездки остались, а смельчаки исчезли в неизвестном направлении. Одного, говорят, видели на платной автостоянке, он там подрабатывал ночным охранником. Но как бы там ни было, имелось строгое предписание обращаться с этой категорией студентов как с близкими родственниками.

В данном случае девочка показалась мне симпатичной, что случалось гораздо реже, чем хотелось бы, и быть с ней вежливой труда не составило. Несмотря на мое предложение воспользоваться столом, она продолжала стоять возле меня и я спросила:

– Что-то не так?

– Да нет, все нормально. Можно я в коридоре бланк заполню?

Я не стала возражать и она вышла.

Прошло минут десять и я совсем забыла о Ежовой. Мне понадобилось отнести папки с обработанным материалом в архив, я сгребла их со стола, открыла дверь в коридор и увидела, что девушки там нет. Это меня, надо сказать, удивило. Куда она подевалась? И почему? Я даже повертела головой по сторонам, насколько позволяла груда тяжеленных бумажек, но Ежову так и не увидела. Странные пошли абитуриенты, – подумала я, перехватила папки поудобнее и поплелась в архив.

Распихивая папки по нужным полкам, я от нечего делать продолжала думать о Ежовой. Ее бегство показалось мне лишенным смысла. Она приехала издалека, километров за двести, чтобы подписать договор, деньги перечислены, бланк она взяла, так куда ее понесло? Может, знакомых встретила и заболталась? Но я, находясь за стеной, ничего не слышала, хотя, надо признаться, особенно и не прислушивалась, торопясь разделаться с документами поскорее.

Ладно, Бог с ней, с Ежовой, вернется, куда она денется. Я поспешила обратно в деканат, попутно заскочив в приемную комиссию, чтобы забрать сумку. Девушки по-прежнему не было. Я просидела еще полчаса на случай, если Ежова все же соизволит вернуть мне заполненный бланк, но она так и не появилась. Тут до меня дошло, что она могла вернуться, пока я таскалась со своими папками. В таком случае мы с ней разминулись и сидеть дальше не имеет смысла. Поэтому я с чистой совестью отправилась домой.

На выходе, прощаясь с сидящим на вахте дядей Сашей, я неожиданно для себя самой спросила:

– Дядя Саша, вы не видели тут девушку в черных джинсах и белой кофточке?

– Видел. – Кивнул он. По тому, как встопорщились его буденовские усы, я догадалась, что девушка ему не понравилась. – Я ее пускать не хотел. Чай не на дискотеку собралась. В приличное место, а вырядилась как простигосподи.

– Так вы ее только один раз видели? Когда она входила? Уточнила я.

– Мне и одного раза за глаза. – Хмыкнул ветеран.

– Значит, обратно она не выходила… – Задумчиво проговорила я, раздумывая, не стоит ли вернуться и подождать еще.

– Почему нет? Здесь еще пять выходов. Должно быть, через них просочилась, чтобы… – он слегка замялся, – чтобы со мной не встречаться. Я с ней не особенно церемонился, уж больно вульгарная.

Дядя Саша был прав. Ежова скорее всего воспользовалась другим выходом. Это меня окончательно успокоило и я, попрощавшись с вахтером, побежала на автобусную остановку.

С огромным трудом втиснувшись в переполненный душный автобус, я утешила себя тем, что впереди целая свободная неделя. До экзаменов я была не нужна и могла наслаждаться полной свободой.

Дома я первым делом наведалась к соседям, но узнала только то, что Оксана по-прежнему не нашлась.

ГЛАВА 6

Несмотря на выходной, следующим вечером я снова направилась в институт: пообещала Яне сходить с ней в магазин, чтобы помочь выбрать куртку для осени. Как бы ни было у меня муторно на душе в связи с исчезновением соседской девочки, подругу я подводить не хотела но, чтобы сэкономить время, решила зайти за ней на работу. Лаборанткам недельный отпуск не полагался, наоборот, сейчас у нее начиналась самая работа, требовалось подготовить разваливающееся оборудование к началу занятий. Поэтому я нашла Янку в лаборатории, всю в трудах. Свалив в большую раковину кучу колб и реторт, она с остервенением терла их содой. Увидев меня, обрадованно улыбнулась, сдула со лба прилипшую челку и продолжила свое занятие. От холодной воды и соды ее руки покраснели и распухли, лак на ногтях облез.

– Иди, собирайся, а я домою. – Великодушно предложила я.

– Класс! – Взвизгнула Янка. – Спасительница! Я тогда быстренько ногти перекрашу. Видишь, во что превратились? Просто тихий ужас!

Она метнулась к сумочке, а я заняла ее место у раковины. Несмотря на жару, вода из крана лилась ледяная, но недомытых пробирок осталось мало и я от души надеялась, что мои руки не успеют превратиться в гусиные лапы.

Янка, откопав в недрах своей торбы пузырьки с лаком и растворителем, попутно отщипнув от большого тюка кусок ваты, уселась рядом со мной на лабораторный стол и занялась маникюром.

– О! Чуть не забыла! – Воскликнула она минуту спустя так громко, что я чуть не выронила колбу.

– Ты чего орешь? – Укоризненно спросила я.

– Извини. Я думала ты тоже обрадуешься, когда узнаешь.

– О чем?

– Твоя пропащая нашлась! – Объявила она с торжественным видом.

– Кто, Оксана? – Не поверила я.

– Да нет. Не она. Эта твоя, с подсолнухом на голове.

– Петрякова.

– Точно, Петрякова.

Я собиралась спросить, откуда ей это известно, но в эту минуту стукнула дверь. Мы разом обернулись и увидели Владлена Алексеевича Липанова, старшего преподавателя с кафедры психологии.

Его тонкие волосы неопределенного цвета, слишком жидкие для мужчины, которому едва перевалило за тридцать, прилипли ко лбу сальными сосульками, что придавало ему весьма неопрятный вид. Тусклые, зеленоватые глаза, уставившись на нас, едва не вылезли из орбит, стараясь не упустить ни единой подробности.

Поглазев на нас несколько секунд, он, по-прежнему не говоря ни слова, исчез, плотно притворив за собой дверь.

– Ох, не люблю я его. – Заявила Янка, презрительно выгнув губы.

– Почему? Вполне безобидный тип. Тихий, вежливый. – Вообще-то я кривила душой. Мне и самой становилось не по себе, когда я случайно сталкивалась с Липановым в коридоре и ощущала на себе его изучающий и какой-то липкий взгляд.

– Ну и что, что тихий. Слыхала про тихий омут? Вот. Странный он какой-то. Все ходит, вынюхивает. И знаешь что я заметила?

– Что?

– Он так тихо ходит, как будто подкрадывается. Оглянешься, а он у тебя за спиной. Стоит и молчит, скотина. Психолог недоделанный. По-моему, ему нравится людей пугать. А глаза? Ты видела его глаза? Тусклые, как у дохлого леща. А уж как вытаращится…

– Брось ерунду болтать. – Одернула я. – Он же не виноват, что таким уродился. Что там про Петрякову?

– И ничего я не болтаю. – Обиделась Янка. – Я людей сразу чувствую. Так вот, если хочешь знать мое мнение, от этого Липанова тухлятиной аж за километр несет. А Петрякова твоя сама нашлась. – Без перехода закончила она.

– Это точно? Откуда ты знаешь?

– Сама видела. Она с матерью по этажу шарахалась, тебя искала, чтобы папку свою забрать. Коробку конфет тебе оставили за доставленное беспокойство. Вон там лежит, на тумбочке. – Она ткнула пальцем в направлении коричневой коробки птичьего молока, которую я сразу не заметила. – Довольна теперь?

– Почти. – Кивнула я, думая о том, как было бы хорошо, если бы Оксана вот так же запросто вернулась домой.

– Эх, ты, паникерша. – Усмехнулась Янка, ловко орудуя кисточкой. – Расквохталась, как курица: караул, пропала…

Я замахнулась на нее здоровенной стеклянной посудиной, ухватив ее за узкое горлышко. Янка со смехом спрыгнула на пол, тряся в воздухе руками, чтобы лак скорее просох.

– Ну чего ты руками машешь, как ветряная мельница? Это же «Джет-Сет», он давно высох. – Усмехнулась я, прочитав название на пузырьке с лаком.

– Да? – Янка недоверчиво повертела рукой перед глазами, затем для верности лизнула синий ноготь языком и довольно хмыкнула.

– Верно. Высох. Кое на что и ты сгодишься. – Бросила она на меня хитрый взгляд, нарываясь-таки на то, чтобы получить колбой по кумполу.

– Ладно, сейчас губы подкрашу и вперед. – Объявила она, заметив, что я покончила с лабораторным оборудованием. – Знаешь, насчет куртки…

Янка разразилась вдохновенной речью, посвященной достоинствам и недостаткам отдельных моделей, но я ее почти не слушала. Известие о том, что Петрякова никуда не пропадала, на первый взгляд, доказывало правоту Бориса. Но слишком уж две эти девушки были не похожи друг на друга. Представить себе, что скромная Оксана способна без предупреждения уйти в загул, я не могла, как ни старалась. Хотя, с другой стороны, много ли я о ней знаю? Наше общение в основном касалось ее увлечения созданием моделей одежды. она не была со мной настолько откровенной, чтобы рассказывать о личной жизни. Поэтому мне трудно было судить, что скрывалось за ее спокойной уравновешенной внешностью. Мою надежду на благополучный исход подкрепляло еще и то, что никто из тех, кого я успела опросить, включая и Софью Николаевну, не заметил в тот день ничего подозрительного. Оксану вообще никто не заметил, хотя это меня немного удивляло. Сегодняшние девчонки так сильно озабочены своими формами, что полненькие встречаются довольно редко и крупная фигура Оксаны должна была выделяться в толпе поджарых абитуриенток. К тому же у нее была привычка заплетать свои роскошные волосы в длинную косу, что также встречается сейчас довольно редко. И тем не менее никто ее не видел. Этот факт не был отрицательным. Если бы ее попытались увести насильно, это никак не могло бы остаться незамеченным, все-таки вокруг было полно людей. Единственное, помимо того, что я видела ее собственными глазами, что доказывало ее присутствие в стенах института, было несколько листочков с набросками моделей, которые я обнаружила на следующий день внутри одного из письменных столов, стоявших вдоль стен в приемной комиссии. Я узнала их с первого взгляда. Оксана, должно быть, в ожидании своей очереди к столу, по-привычке рисовала в блокноте, с которым никогда не расставалась.

Итак, в институте она побывала, а вот куда и почему направилась потом – оставалось загадкой.

– … со стоячим воротничком. Ты меня слушаешь?

– Конечно. – Соврала я. Пора брать себя в руки и заняться тем, ради чего я сюда пришла.

Остаток вечера превратился в один бесконечный шопинг. Янка перемерила столько курток, что у меня рябило в глазах. В конце концов она решила купить ту, что приглянулась ей в самом первом магазине и осталась весьма довольна своим выбором.

Ни этот день, ни последующие шесть, не принесли никаких вестей об Оксане. Ее родители совсем пали духом, особенно мать. Она почти все время плакала и, хуже того, начала обвинять себя в том, что настояла на поступлении Оксаны в мединститут. Мне было сложно успокоить ее, так как возразить было нечего. Идея принадлежала ей, хотя никто не подозревал подобного исхода.

В милиции, наконец, соизволии принять заявление, но поиски, если они вообще велись, не дали никаких результатов.

Положение стало еще хуже, когда в среду вечером Тобик уселся посреди большой комнаты и завыл, громко и жалобно. Отец Оксаны побледнел, а мать схватилась за сердце. Я подхватила щенка и поспешно унесла в другую комнату. Прижав к себе пушистое дрожащее тельце, я упрашивала его замолчать. Поначалу Тобик визжал и отчаянно брыкался, затем притих и только тихонько поскуливал, глядя на меня огромными печальными глазами.

Я принялась тихонько покачивать его, шепча:

– Все будет хорошо, малыш. Твоя хозяйка обязательно найдется. Обязательно. Поверь мне…

Плохо, что сама я в это уже не верила.

Бориса я все эти дни избегала, да и времени отвечать на его звонки у меня не было – я торчала у соседей с утра до вечера. Я так часто звонила в больницы и морги, что в некоторых меня начали узнавать по голосу, но помочь ничем не могли.

Оксана как в воду канула.

ГЛАВА 7

А на работе ждал сюрприз. Под этим понятием обычно подразумевается нечто неожиданное и приятное. Так вот, в данном случае это был неприятный сюрприз. У дверей института вместо знакомого дяди Саши меня встретил совершенно незнакомый лейтенант в форме. Он изо всех сил старался выглядеть солидно. Я усмехнулась про себя. Это был хорошенький мальчик лет двадцати и, подозреваю, что это было его первое серьезное поручение. Порозовев от смущения он преувеличенно строгим голосом потребовал у меня паспорт. К счастью, я всегда ношу его с собой, поэтому с готовностью протянула документ стражу порядка. Пока он изучал его от корки до корки, я поймала взгляд дяди Саши и вопросительно приподняла брови, едва заметно кивнув в сторону лейтенантика. Дядя Саша только удрученно махнул рукой и отвернулся.

Сверив мою фамилию с каким-то длинным списком, лежащим на столе, мальчишка вернул паспорт и пробасил:

– Можете пройти.

У него это вышло весьма забавно и мне захотелось щелкнуть в ответ каблуками, взять под козырек и гаркнуть «Есть!».

Вместо этой хулиганской выходки я попыталась воспользоваться случаем и прояснить обстановку:

– А по какому поводу такие строгости? – Невинно поинтересовалась я.

– Проходите, гражданка Локтева. – Нахмурив светлые брови, отрезал лейтенант. Вот еще. Не хочет отвечать – не надо, но зачем же сразу обзывать меня гражданкой?

Я пожала плечами и пошла к одному из служебных лифтов. Ломались они гораздо чаще, чем находились в рабочем состоянии, но сегодня, как ни странно, оба оказались в исправности, что несколько подняло мне настроение. Дожидаясь, пока кабина спустится на первый этаж, я еще раз оглянулась. У входа топтались трое преподавателей, недоуменно переглядываясь между собой. Милиционер придирчиво изучал их документы. Похоже, случилось что-то серьезное.

В приемной деканата я застала Софью Николаевну, профессора Фетисова и Ольгу Васильевну. Они что-то оживленно обсуждали и смолкли при моем появлении. Мне показалось, что обнаружив, что это всего лишь я, они все разом вздохнули с облегчением. Интересно, кого они ожидали увидеть? Мелькнувшая в голове мысль, что милиционер в холле далеко не единственный в этом здании, не показалась мне такой уж невероятной.

– Кто-нибудь просветит меня по поводу расширения штата сотрудников института? – Спросила я. – Я говорю о симпатичном лейтенантике у входа. У меня такое впечатление, что я пропустила нечто важное.

– Здравствуйте, Лизочка. – Со вздохом приветствовал меня профессор, поправляя на носу очки. – Вы правы. У нас тут черт те что творится. Милиция, проверка документов, допросы… – Он еще раз вздохнул и удрученно покачал головой.

– Допросы? – Искренне удивилась я.

– Вот именно! – Расстроенно воскликнул профессор. – Вы можете себе это представить?

Я в недоумении посмотрела на Ольгу Васильевну и Софью Николаевну. Причем последняя ответила мне таким неприязненным взглядом, как будто подозревала, что в обрушившихся неприятностях виновата именно я. Ольга Васильевна выглядела усталой и обеспокоенной, ее подвижный рот был плотно сжат, хотя взгляд был спокойным и твердым.

– Вы ведь еще ничего не знаете. – Сказала она мягко. – Давайте пройдем в мой кабинет и я введу вас в курс дела. Думаю, в данной ситуации это необходимо.

Все еще ничего не понимая, я последовала за ней. В кабинете она указала мне на стул, сама села за свой письменный стол и несколько минут собиралась с мыслями, прежде чем сказать:

– В институте произошло чрезвычайное происшествие. Выяснилось, что за два последних месяца пропали пятеро наших абитуриенток.

– О, Господи! Пять? – Прошептала я, не веря своим ушам.

Ольга Васильевна взглянула на меня более пристально и спросила, причем тон ее голоса стал намного прохладнее:

– Мне кажется, что вас это не слишком удивляет, Лиза. В чем дело? Вам что-то известно об этом деле?

– Нет. Я не знала, что их уже пять… – Задумчиво проговорила я.

– Как это «уже»? А сколько их было? Лиза, я вас не понимаю! – Она заметно нервничала и машинально теребила маленькую белую полоску пластыря на пальце. Почему-то я уставилась на этот пластырь, который выглядел совершенно нелепо на ее ухоженной руке и не могла отвести от него глаз. Ольга Васильевна заметила это и сжала руку в кулак.

– Почему вы молчите, Лиза? Что вы знаете о пропаже девушек?

– Значит, пропадали только девушки? – Ответила я вопросом на вопрос.

– Да. Только девушки. Но я все еще жду объяснений.

– Объяснять, собственно говоря, нечего. – Пожала я плечами, понемногу приходя в себя после оглушительной новости. – Моя соседка, Оксана Сазеева, собиралась поступить в наш институт. Так вот, после того, как она вошла в аудиторию приемной комиссии, чтобы подать документы, ее никто не видел вот уже несколько дней. Это все.

Вентцель опустила глаза, просматривая какой-то список, лежащий перед ней на столе и сказала упавшим голосом:

– Да, эта девочка есть в списке пропавших. – Она откинулась на спинку стула и устало прикрыла глаза.

– Когда стало известно о том, что девушки исчезли? – Осторожно спросила я.

– Вчера. Родители девушек утверждают, что их дети исчезли из стен нашего института. Есть свидетели, как они сюда входили, но, как и в случае с вашей соседкой, никто не видел их после. Мы даже не знаем, покидали они здание или нет. Они просто исчезли, войдя сюда. Бред какой-то.

Я понимала, что она должна сейчас чувствовать. Если все окажется правдой, то репутации института будет нанесен громадный ущерб.

– У них есть какая-нибудь версия? – Спросила я как можно деликатнее.

– Не знаю. Они не ставят нас в известность относительно своих соображений по этому поводу. Допрашивают всех подряд, вместе и по очереди. Мне показалось, что они считают, что это дело рук какого-то маньяка.

– Маньяка? Возможно. Но чем он руководствовался? И почему выбирал жертв именно в нашем институте? Он что, противник медицины?

Шутка не удалась. Вентцель даже не улыбнулась.

– А можно мне узнать имена пропавших девушек?

– Конечно. Но что толку? Впрочем – на, читай. – Она подвинула мне через стол тот самый листок бумаги. Я взглянула на текст и ровные компьютерные строчки поплыли у меня перед глазами. Кроме Тани Топкиной и Оксаны, о пропаже которых я уже знала, там значились еще три имени: Чирко Галя, Полонская Катя и… Ежова Инна.

Я подняла глаза и увидела, что Вентцель внимательно наблюдает за мной. Она наверняка заметила, что я вздрогнула, увидев в списке пропавших фамилию Ежовой и теперь пыталась определить, почему я так среагировала.

– Что с тобой? – Ее голос звучал мягко, даже участливо. – Ты что-то заметила? Ты побледнела.

– Нет, Все нормально. Просто… Просто эта девушка… Инна…

– Верно. Это самая большая неприятность. Исчезновение всех девушек – большая трагедия, но эта Ежова – настоящая катастрофа. Она поступала на платное отделение. Ее отец – очень… влиятельная личность. Он уже создал собственный отряд для поисков и нам уже звонили его люди, пообещав большие проблемы…

– Я не об этом. Я видела эту девушку на прошлой неделе. Мы с вами вместе ее видели.

– О чем ты? Когда?

– Когда я увидела вас в первый раз, в приемной. Помните: вошла девушка в черных брючках и белой кофточке?

– Возможно. – В голосе Ольги Васильевны появились раздраженные нотки. – Но я не обратила на нее внимания. Ты уверена, что это была именно она?

– Абсолютно уверена. Она показала мне паспорт и я лично дала ей бланки договоров.

– Я ее совсем не запомнила. – Растерянно проговорила Вентцель. – Ты думаешь, она пропала именно в тот день?

– Я не могу знать наверняка. Она взяла бланки и попросила разрешения заполнить их в коридоре. А потом она исчезла оттуда вместе с договором.

– Как это исчезла?

– А вот так. Я вышла минут через десять и увидела, что ее нет в коридоре. Тогда я подумала, что она встретила кого-то из знакомых. Но сейчас…

– Сейчас тебе кажется, что ее похитили? – Закончила за меня Ольга Васильевна. Я кивнула, соглашаясь.

– Это неправдоподобно. – Подумав немного, сказала Вентцель. Сама посуди: ты была всего в двух шагах от нее, за тонкой дверью. Если бы на нее напали, то ты непременно услышала бы.

– Меня это тоже смущает. – Согласилась я. – Но, возможно, преступник или преступница не вызвали у нее подозрений и она спокойно дала себя увести?

– Ты видела кого-то в коридоре, когда выходила? – Заинтересованно спросила меня Ольга Васильевна.

– Нет. Никого.

– Жаль. Если ты права, то получается, что преступник был совсем рядом… На грани разоблачения. Выйди ты немного раньше… Что ж, надо рассказать об этом следователю. Хотя не знаю, чем это может помочь.

– А разве меня должны вызвать? – Я поежилась от такой возможности.

– Они всех вызывают. Иногда даже по нескольку раз. Но, сдается мне, дело у них не движется: никто ничего подозрительного не заметил. Это странно.

– Вовсе нет. – Возразила я. – Преступник, похоже, все просчитал. Здание института очень большое, много входов и выходов, а во время подачи документов здесь крутится множество посторонних. Никто ни с кем не знаком. Как определить: где свои, а где – чужие? Хотя это наводит на кое-какие мысли…

– На какие, например?

Ответить я не успела. В кабинет вошла Софья и сообщила официальным тоном:

– Локтева, срочно к следователю.

– Ну, ни пуха тебе. – Ободряюще улыбнулась мне Ольга Васильевна.

Стараясь не смотреть на прямую, как палка, фигуру Софьи Николаевны, я бочком протиснулась в дверь.

– Следователь в двести двенадцатом кабинете. – Крикнула она мне вслед. Я кивнула, не оборачиваясь, и поплелась в двести двенадцатый.

Следователь даже не посмотрел на меня, когда я вошла в кабинет, делая вид, что очень занят какими-то бумагами. Мне был знаком этот прием, рассчитанный на слабонервных.»К-лиент должен дозреть», – посмеиваясь, говорил Борис. Похоже, я дозрела задолго до своего визита сюда. Я не чувствовала за собой никакой вины, но ноги почему-то противно дрожали. Я не стала напоминать неприветливому толстяку за столом, что меня хотели видеть «срочно», а просто опустилась на единственный в комнате стул и приготовилась ждать.

Процедура «дозревания» длилась довольно долго, но имела обратный эффект. Я совершенно успокоилась и успела взять себя в руки к тому моменту, когда он наконец поднял на меня водянистые глаза и задал первый вопрос. За ним последовал второй, затем третий и так далее. Вопросы следовали один за другим, иногда они повторялись по нескольку раз. Как только я пыталась высказать свое мнение, следователь обрывал меня, выражая явное недовольство моей самодеятельностью. В результате он услышал только то, что хотел, а сведения о моей встрече с Инной так и остались невостребованными. В конце концов, я старалась как могла, и если он упустил что-то важное из того, что я могла бы сообщить, то в этом нет моей вины.

Когда следователь, задавший мне свои десять тысяч вопросов, отпустил мою душу на покаяние, я уже сама с трудом могла вспомнить, что было на самом деле, а что мне только показалось.

ГЛАВА 8

Когда я вернулась, в деканате было пусто. Я постучала в кабинет Ольги Васильевны и даже заглянула туда, но ее тоже не было. Переваривать впечатления от встречи с представителем правопорядка предстояло в одиночестве.

Я вернулась к столу, села на стул и подняла телефонную трубку. Бушевавшее внутри меня негодование требовало выхода и я знала человека, которому следовало об этом знать.

Мне ответили после третьего звонка. Я узнала голос Бориса и сказала ласково:

– Привет, милый. Как настроение?

– Нормально. А что? – Холодок в его голосе меня только раззадорил.

– Странно. – Проворковала я. – Мне казалось, что ты должен быть сейчас очень расстроен. Разве ты не слышал, что в нашем институте пропали пять абитуриенток? У нас тут полным полно твоих коллег и все они страшно взволнованы.

– Ради Бога, Лиза, не мешай мне работать. Я занят. – Его голос сразу стал официальным до невозможности.

– А ты когда-нибудь не бываешь занят? – Рявкнула я, уже не сдерживаясь.

– Лиза, я тебя умоляю: занимайся своими делами и дай мне возможность заниматься своими.

Я не слушала его. Меня, что называется, понесло.

– Теперь ты веришь, что я была права? Послушай ты меня тогда, в самом начале, и других похищений могло бы не быть! Вы могли найти Оксану и с остальными девочками ничего бы не случилось!

– До свидания, Лиза. – Оборвал меня Борис. – У меня посетитель.

– Черта с два у тебя посетитель! – Пробормотала я в противно пищащую трубку и отбросила ее от себя подальше. Жалобно звякнув, трубка шлепнулась на рычаг. Я задыхалась от собственного бессилия и обиды. Думая о случившемся несчастье, я машинально принялась водить ручкой по бумаге. Получился довольно похожий портрет моего горе-жениха. С минуту я разглядывала рисунок, затем решительно пририсовала к голове два огромных уха и жирно написала внизу:»Осел». Взглянула еще раз и на этот раз осталась довольна результатом. Злость понемногу прошла. Что ж, обойдусь без его помощи. Пошлю любимого к дьяволу и сама распутаю это дело. И плевать я хотела на последствия!

* * *

Для начала следовало найти наиболее информированного человека в институте, который не откажется поделиться со мной информацией. Можно считать, что с первым этапом мне здорово повезло, так как таким человеком была моя подруга Яна. Если до сих пор я не слишком стремилась разобраться в царившей в институте атмосфере, то сейчас мне не мешало бы получше познакомиться с окружающими меня людьми. Дело в том, что меня не оставляла мысль: в деле пропавших абитуриенток замешан кто-то из своих. Это было не более чем предположение, но для начала следовало проверить его досконально.

Янка охотно согласилась просветить меня и мы отправились в «Лакомку» – любимое место наших посиделок, расположенное как раз напротив института. Посетителей в маленьком кафе, как всегда в это время, было немного. Единственный столик в самом углу занимали двое парней, сильно смахивающих на бандитов. Подобные типы встречались здесь крайне редко, так как в кафе не продавали спиртного, но сегодняшний день оказался не слишком приятным исключением.

Мы выбрали свой любимый столик у окна. Янка заказала шоколадное мороженое, а я по привычке взяла кофе.

– Давай скоренько, у меня сегодня всего полчаса. – Предупредила Яна, устраиваясь на белом пластмассовом стуле с высокой спинкой и нетерпеливо поглядывая на толстую официантку с подносом. Та поставила заказ на столик, предварительно смахнув несуществующие крошки полотенцем, взяла деньги и ушла за свою стойку.

– Для начала расскажи мне поподробнее как развивались события в мое отсутствие. – Попросила я подругу.

– Рассказывать-то особенно нечего. – Призналась та, запихивая в рот полную ложку мороженого. – Все началось как-то сразу. Как будто эти родители сговорились. И сразу милиция, охрана у входа, допросы эти противные.

– Но ведь люди наверняка обсуждают эти события. Я точно знаю, что не все расскажут следователю – милицию у нас не больно жалуют, – но между собой обязательно отведут душу.

– Только не в этот раз. – Покачала головой Яна. – Как-то так вышло, что никто ничего не заметил. Прямо мистика какая-то. Конечно, теперь многим начинает казаться, что они видели что-то подозрительное, но я уверена, что это всего лишь выдумки, игра воображения, если хочешь. На самом деле, ничего стоящего. Самое смешное, что некоторые бегут с этими своими фантазиями к следователю. Бедняга. У него, наверное, на этой почве несварение желудка.

Янка хихикнула. Я тоже улыбнулась, представив толстого лысого следователя, выслушивающего очередную фантастическую версию.

– А когда точно стало известно, что девочки пропали? Я имею в виду, когда об этом узнали в институте?

Яна задумалась.

– Еще на той неделе. Кажется, в четверг. Да, точно, в четверг.

– Все родители подали заявление?

– Нет. Той, что пропала первой, никто не интересовался. Ее просто для кучи приплюсовали. Мне кажется, даже неизвестно, нашлась она с тех пор или нет. Остальные примчались в полном составе.

– Подожди. Как это «примчались»?

– Очень просто. Все девчонки – иногородние. Кроме твоей соседки. – Янка снова запустила ложку в мороженое.

Похоже, история ее не слишком интересовала и уж точно ни капельки не огорчала. Я не могла ее осуждать, зная, что у нее ветер в голове, как и у большинства современной молодежи. Но молодость – это болезнь, которая, к сожалению быстро проходит, как сказал один умный человек. И он был прав на все сто. Яна еще успеет стать рассудительной, научиться сочувствовать чужому горю, а пока я воспринимала ее такой какая она есть, со всеми достоинствами и недостатками.

Звякнул колокольчик у входа и в кафе вошла парочка студентов. Оба, и парень, и девушка чем-то смахивали на итальянские макароны: худые, длинные, с невыразительными лицами и какие-то квелые. Они заняли столик в центре.

Я вернулась к своим мыслям. Меня определенно что-то зацепило в рассказе Яны, но я никак не могла определить, что это было. Что-то важное… В конце концов нужная мысль сама всплыла в голове и я задумчиво произнесла:

– А знаешь, мне кажется, что девочек выбирали не просто так. Возможно, позднее выяснится и еще что-то, что их объединяет между собой, но одно обстоятельство понятно уже сейчас.

– И что же это? – С любопытством спросила Янка.

– А ты сама не догадалась?

– Ну, все они из нашего института, все молодые, наверняка не дурочки, раз замахнулись на высшее образование… – Принялась перечислять она.

– Все это верно, но самое главное – они иногородние! Правда нам это почти ничего не дает, если не считать того, что кто-то выиграл время, обеспечив себе фору по крайней мере в сутки.

– Ты ошиблась. – Возразила Яна. – Оксана-то местная.

Я снова задумалась. Верно. На первый взгляд Оксана выпадает из системы. Хотя… Я представила круглое, простоватое лицо, русую косу, неброские наряды…

– Нет. Оксана легко укладывается в схему. Ее похитили по ошибке, приняв за провинциалку. Возможно, в тот раз преступник очень спешил и выбрял жертву «на глазок». Она ведь очень скромная девочка. Ты ее знаешь?

Яна кивнула, задумчиво покусывая губу.

– Похоже, ты права. Ксюшка, не в обиду будь сказано, вылитая колхозница, хотя девчонка симпатичная. Только не вижу, чем тебе может помочь то, что ты знаешь – выбирали иногородних.

– Не так все безнадежно, как может показаться. Если кто-то старался придерживаться этой схемы, то он не мог действовать наобум. У него должен быть источник информации в институте или доступ к документам абитуриентов…

Я сама испугалась того, что сказала. Янка округлила глаза и растерянно хлопнула ресницами.

– Ты намекаешь, что кто-то из наших с ними заодно? – Она замерла с ложкой в руках, забыв поднести ее ко рту. Подтаявшее мороженое капало в вазочку.

– Осторожно, опять обольешься. – Предупредила я и добавила: – Я ни на что не намекаю, просто логично предположить такой вариант.

– Странная у тебя логика.

– Лучше странная чем вообще никакой.

– Ты только с ментами своими умозаключениями не делись, идет? От них и так никакого житья нет, а если они услышат о твоих выводах, то нас вообще сожрут заживо.

– Не думаю, что у них нет подобной версии. Но можешь быть спокойна: последнее место, куда я отправлюсь за советом – это милиция.

– Ого! Смотри: деканша со своим благоверным! Крутой мужик… – Вдруг встрепенулась Янка. Она прилипла к окну. Я тоже посмотрела на улицу. С нашего места отлично просматривалась крутая лестница, ведущая к дверям института, по которой в данный момент степенно спускалась элегантная пара. Муж Вентцель был ей под стать: еще достаточно молодой, но уже возмужавший мужчина в дорогом светлом костюме. Красивое лицо с правильными чертами было обращено к легко опиравшейся на его руку женщине и, могу поклясться, это лицо светилось любовью и восхищением.

– Клевый? – Повернулась ко мне Янка.

– Ничего.

– Везет же некоторым. И где они их берут? – Она еще долго сокрушалась по этому поводу, заедая огорчение остатками мороженого, а я вдруг почувствовала между лопаток чей-то пристальный взгляд. Неприятное ощущение не проходило, к нему добавилось беспокойство – ведь в кафе почти никого не было. Стараясь не привлекать к себе внимаеия, я решила прояснить ситуацию.

Студентов я определенно не интересовала. Они были увлечены только друг другом. Официантка лениво листала какой-то журнал. Оставались только двое в углу. Я сидела к ним спиной и обернуться не решилась, но это меня не остановило: старый трюк с пудреницей всегда срабатывал безотказно. Я достала косметичку, вытащила пудреницу и посмотрела в зеркальце, делая вид, что поправляю макияж. Как только в поле моего зрения попали «мафиози», я

натолкнулась на внимательный холодный взгляд одного из них. От неожиданности я чуть не выронила свой шпионский арсенал.

Этого мне только не хватало. Парень не делал ничего предосудительного по отношению ко мне, но от его взгляда у меня по спине побежали мурашки. Он был не слишком высоким, чуть выше среднего, но зато такой коренастый и плечистый, что выглядел квадратным. Под свободной белой рубашкой с коротким рукавом угадывались как минимум три года, проведенные в «качалке». Круглосуточно.

«Обаятельный» образ довершали явно сломанный нос и коротко стриженный затылок, переходящий в бычью шею… Мамочки, только не это.

– Лисичка, мне пора! – Янка уже стояла возле моего стула и настойчиво дергала меня за рукав. – Извини, я побежала. Завтра увидимся!

Она чмокнула меня в щеку и умчалась, прежде чем я успела ее остановить.

ГЛАВА 9

Я так и не решила, что мне делать, когда над ухом раздалось безукоризненно вежливое:

– Здесь свободно?

Так я и знала. Сейчас начнется. Я внутренне сжалась, приготовившись к сопротивлению. Так, главное – не грубить. Будет только хуже. Уж как соблазнительно обратить его внимание на то, что все соседние столики к его услугам, но я не должна этого делать. Может, соврать, что Яна вышла на минуту? Нет. Не пройдет. Он наверняка слышал, как мы с ней прощались, а эта кретинка орала в полный голос.

Немного успокаивало то, что парень не плюхнулся без разрешения на свободный стул, а терпеливо топтался рядом, дожидаясь моего ответа. Значит, хамить он не собирается. А это уже кое-что, хотя расслабляться не стоит. Я посмотрела на него и кивнула. Кажется, мне удалось сделать это достаточно небрежно, чтобы он не догадался, что я его боюсь. Парень тут же воспользовался приглашением и уселся напротив, поставив на стол перед собой вазочку с мороженым. В его огромных лапах она выглядела как игрушечная.

Несколько минут мы занимались каждый своим делом: он ел мороженое, аккуратно отправляя в рот ложку за ложкой, а я пила кофе и пыталась унять дрожь в коленках.

Конечно, можно просто встать и уйти, но где гарантия, что этот тип не увяжется следом? Нет уж. Я его пересижу, даже если придется выхлебать поллитра кофе и торчать здесь до самого закрытия. О том, чтоя буду делать после закрытия, я предпочитала не думать, чтобы лишний раз не расстраиваться.

К моему удивлению ничего не происходило. Парень сидел смирно, трескал свое мороженое, суда по запаху – клубничное, и совсем не обращал на меня внимания. Спрашивается, чего ради он тогда тут расселся? Тем более, что, как я заметила, его дружок давно ушел.

Меня разбирало любопытство: как он поступит, когда мороженое кончится? Ответ не заставил себя ждать: он заказал еще. Двойную порцию. Я тоже, в свою очередь, потребовала себе еще кофе, мысленно попрощавшись с крепким сном предстоящей ночью. Одновременно я пыталась подсчитать, сколько еще чашек в меня влезет, прежде чем появится острая необходимость посетить дамскую комнату? Выходило, что момент уже близок.

Где то на середине логической цепочки моих невеселых мыслей парень вдруг подал голос:

– Вы так любите кофе или просто дожидаетесь, когда я уйду? Спросил он, не поднимая глаз от вазочки с мороженым.

От неожиданности я подавилась остывшим кофе и отчаянно закашлялась. Вид у меня при этом был, должно быть, дурацкий, потому что парень вдруг улыбнулся. Похоже, эту улыбку он отрабатывал перед зеркалом в свободное от «качалки» время, настолько изменилось вдруг его лицо. Оно больше не выглядело угрожающим, более того, в этот момент он показался мне даже симпатичным. Еще бы, с такими-то шикарными зубами!

– Меня Тим зовут. – Сообщил амбал, когда я отдышалась. – Еще кофе заказать?

Он еще издевается! Я метнула на него сердитый взгляд и уткнулась в свою чашку, пробормотав:

– Странное у вас имя. Похоже на кличку.

Оказывается, я попала в самую точку. Его полное имя звучало еще забавнее – Тимофей. Тимошка. Так звали кота моей бабушки. Он был такой же мордастый и наглый как этот тип. Я не удержалась и фыркнула, но сразу же пожалела об этом. Парень напрягся и я испуганно съежилась, ожидая, что теперь-то он приложит меня на полную катушку. Но он справился с раздражением в считанные секунды, а я впредь посоветовала себе вести себя осмотрительнее. Кошки тоже бывают разные. Некоторые, например, могут запросто голову откусить…

Однажды мне пришлось познакомиться с людьми такого сорта так близко, что при одном воспоминании об этом знакомстве у меня сводило судорогой желудок. Я поморщилась. Наверняка парень таскает с собой пушку. Они ведь без этого не могут. Интересно, где он ее прячет?

Я опасливо покосилась на Тима, заметив, что брюки у него свободного покроя и, скорее всего, оружие, если оно есть, лежит в боковом кармане. Автоматически я опустила взгляд под стол. Спохватившись, подняла глаза и увидела, как брови Тима удивленно поползли вверх. Я покраснела, как его клубничное мороженое. Нетрудно представить, что он себе вообразил! Надо же быть такой идиоткой!

– Знаешь, ты именно такая, как я предполагал. – Заявил парень. Мне послышались в его голосе нотки удовлетворения. Пришел мой черед удивляться.

– Мы разве встречались?

– Нет.

– Тогда как ты мог узнать, какая я? Может увидел меня во сне? – Съязвила я, злясь, что не могу понять, куда он клонит.

– Во сне я тебя, слава Богу, не видел, но знаю о тебе практически все. – Успокоил меня Тим. Я подумала, что он блефует и не собиралась сдаваться:

– Ты промахнулся, парень. Я в этом городе всего полгода и почти никого не знаю. Сомневаюсь, чтобы тебе удалось разузнать обо мне хоть какие-нибудь подробности. Придумай что-нибудь поубедительнее.

Мои слова, кажется, задели его за живое. Он нахмурился и отчеканил:

– Тебя зовут Лиза Локтева, ты работаешь вон в том институте, секретаршей, хотя по образованию – художник-оформитель. Говорят, что талантливый. Ты действительно приехала из другого города, потому что сбежала от чересчур пристального внимания, которое тебе уделяли после того как ты практически в одиночку распутала крупную аферу с похищением невесты сына крупного коммерсанта. Ты потеряла близкую подругу, несколько раз чудом избежала смерти и тем не менее выбралась из этой заварухи живой и невредимой…

– Насчет невредимости ты, пожалуй, погорячился. – Криво улыбнулась я, припомнив, что с тех пор практически перестала доверять кому бы то ни было. – Откуда ты все это знаешь? Ты кто такой? – Требовательно спросила я.

– Человек.

– Вижу, что не мартышка. Извини, но мне не нравится, когда совершенно незнакомые люди копаются в моем прошлом, о котором я хотела бы забыть как можно скорее. Итак, кто ты такой и зачем собрал на меня это… досье?

Он не торопился с ответом и я решила добавить ему решимости.

– Можешь не отвечать. – Пожала я плечами. – Но я подозреваю, что ты не просто так оказался в этом кафе. Тебе явно что-то от меня надо. Так вот. Я сейчас встану и уйду. И мне наплевать, что ты будешь делать. Если ты узнал обо мне достаточно много, то понимаешь, что я так и сделаю.

Я решительно приподнялась, но он остановил меня, придержав за руку. Его прикосновение было деликатным, но я почувствовала железную хватку и снова опустилась на стул, проклиная все на свете. Тим рассматривал меня с интересом и даже с некоторым уважением. А я сама удивлялась собственной смелости.

Тим наконец разжал губы.

– Тебе незачем меня бояться. – Примирительно сказал он. Я промолчала, ожидая продолжения. – Хорошо. Ты правильно догадалась. У меня действительно к тебе одно… предложение. Оно не от меня, я только посыльный, хотя, если ты согласишься, я буду тебе помогать. Тебя волнует как удалось узнать подробности твоей жизни? Поверь, это не проблема, если возникает такая необходимость. Не удивляйся, не обижайся и не делай поспешных выводов. Просто выслушай меня. Договорились?

– Выкладывай.

Он понял мои слова буквально, так как сунул руку в карман. Я невольно вздрогнула, но он всего лишь достал фотографию и протянул ее мне. Я взглянула на нее и сразу узнала девушку. Подняв глаза, я посмотрела на Тима, ожидая, что он объяснит мне, что все это значит.

– Ты видела ее? – Спросил он.

– Да.

– Ты знаешь, как ее зовут?

– Знаю. И что дальше?

– Я должен ее найти и вернуть домой.

– Похвальное желание, но кроме нее хорошо бы отыскать и оставшихся четверых.

– Да, я знаю, что пропало пятеро девушек, но меня интересует именно она.

– Кем она тебе приходится?

– Это дело десятое. Ее отец поручил мне поиски.

– А кто у нее отец?

– Тебе не понравится мой ответ, но я все-таки отвечу. Ее отец – крупный авторитет.

Я присвистнула. Он был прав, ответ мне не понравился. Я снова взглянула на смеющееся девичье лицо.

– Расскажи мне где и когда ты ее видела в последний раз. Попросил Тим. Я помедлила, прежде чем ответить, но решила, что стоит рассказать ему правду.

– Девочку зовут Инна Ежова. – Начала я и выдала ему все, что мне было известно относительно ее визита в деканат, включая странное исчезновение прямо из-под моего носа. Тим слушал меня внимательно, не перебивая и не задавая лишних вопросов. «А он не дурак», – отметила я про себя. Когда я закончила, он, так и не сказав мне ни слова, задумчиво нахмурил лоб и покачал головой.

– Может быть, ты, наконец, скажешь, чего ты хочешь от меня? Нетерпеливо спросила я, глянув на часы.

– Хорошо. – Легко согласился он. – Ты умеешь разговаривать с людьми и, что самое главное, умеешь анализировать полученную информацию…

– Спасибо за комплимент. – Хмыкнула я.

– Не стоит. Я тоже все это умею. Разница в том, что ты работаешь в этом проклятом институте и у тебя больше возможностей получить нужную информацию. Мне туда не попасть, если учесть усиленную охрану. Но даже если бы мне это удалось, люди не скажут постороннему того, что они скажут тебе.

– Да что ты говоришь? – Сделала я удивленное лицо. – А мне казалось, что у таких как ты есть очень доходчивые методы убеждения. Утюг, например.

– Я понимаю твою иронию. Но считаю ее неуместной. – Сказал Тим, посмотрев на меня с неодобрением. – Девочка пропала и ее надо найти.

– А как же остальные? – Не унималась я.

– Найдем ее – будут тебе и остальные. А что касается твоего извращенного представления о моих методах, то я не стану оправдываться и убеждать тебя, что это не так. Но прошу заметить, что не всего можно добиться силой. Да, от страха человек может выложить все что было и чего не было, но меня интересует только то, что было. И помочь мне в этом в твоих силах. Ты согласна?

– Нет. – Твердо ответила я.

– Но почему? Я точно знаю, что одна из пропавших – твоя близкая знакомая. Зная тебя, я уверен, что ты не пожелаешь остаться в стороне и обязательно начнешь собственное расследование. Так почему бы нам не объединиться? Разумеется, тебе заплатят. И очень приличную сумму. Я в курсе насчет того, что с деньгами у тебя не очень, так что гонорар за небольшую услугу должен прийтись весьма кстати.

– Ты не перестаешь удивлять меня своей осведомленностью. Может, тебе даже известно, какого цвета трусики я ношу? – Неприязненно спросила я. Тим удрученно покачал головой, видя, что я настроена решительно против его предложения.

– Ты упираешься только из одного упрямства. – Мрачно сообщил он.

– Нет. Упрямство тут ни при чем. Я просто не хочу иметь с ВАМИ ничего общего. Все что мне было известно, я тебе рассказала, а дальше действуйте, как сочтете нужным. Но только без меня.

Я поднялась, заметив, как посуровело его лицо и добавила немного мягче:

– Извини, но мне пора. И пообещай мне, что не пойдешь за мной следом.

– А я и не собирался. – Фыркнул он. – Мне это ни к чему. Ты живешь…

Тут он выдал мой подробный домашний адрес, включая этаж и номер телефона.

– Так что если мне понадобится, я тебя найду. – Пообещал он.

Я развернулась и ушла, забыв сказать «до свидания». Сквозь стекло я увидела его сгорбленную, поникшую фигуру и упрямо наклоненную голову. На мгновение мне стало его немного жаль, но я запретила себе даже думать об этом. Связываться с бандитами – все равно что совать голову в петлю. Это правило не предполагало исключений.

ГЛАВА 10

Ох, Лиса, Лиса, никогда ты, видать, не поумнеешь. – Удрученно думала я, сидя на табуретке возле кухонного стола тем же вечером. Я машинально жевала бутерброд с сыром, запивая его остывшим чаем, но не чувствовала вкуса еды. В голове друг за другом проносилось множество мыслей, но лишь одна была относительно четкой: от еды всухомятку и огромного количества кофе у меня точно будет изжога.

Помимо воли я то и дело возвращалась к разговору в кафе. Тим не выглядел ни глупцом ни мерзавцам. Отказаться от сотрудничества с ним меня заставило только чувство самосохранения, хотя я вынуждена была признать, что в данном деле помощь мне бы не помешала.

Решив, что утро вечера мудренее, я отправилась спать. Но, вопреки ожиданиям, сон не принес облегчения.

Я увидела Оксану, ее сжавшуюся в уголке фигурку и обезумевшие от ужаса, наполненные слезами, глаза. Потом я увидела руку, тянущуюся к девочке. Она тоже увидела ее и отчаянно замотала головой, захлебываясь рыданиями.

– Не трогайте меня! Прошу вас! – Умолял тоненький голосок, но безжалостные пальцы грубо схватили ее за руку и девочку буквально выдернули из угла, где несчастная пыталась найти убежище.

Она отбивалась отчаянно, с неожиданной для нее силой, но всех ее усилий было недостаточно, чтобы спастись. Вторая рука ухватила ее за длинные волосы и пронзительно визжащую девушку поволокли куда-то в сторону.

Я закричала, чтобы прекратить это безумие и… проснулась от собственного крика. Мои щеки были мокрыми от слез, подушка под щекой пропиталась влагой. «Страшный сон, всего лишь сон! „– Стуча зубами от страха, убеждала себя я. И вдруг заметила, что в комнате светло. «Неужели я забыла выключить свет?“ – Мелькнула мысль. Однако, присмотревшись, я поняла, что свет, наполнявший комнату, не имеет ничего общего с электричеством. Он был достаточно ярким, но имел голубоватый, призрачный оттенок.

Я чувствовала, что происходит нечто невероятное, меня колотил озноб. Руки противно дрожали и я сжала их в кулаки. Со страхом я принялась вглядываться в темные углы такой знакомой квартиры и тогда заметила ее. Она стояла в дальнем углу и я сразу же узнала Оксану.

Меня охватило радостное возбуждение. Странный сон, странный свет – какое это имеет значение, если Оксана здесь, в моей комнате. Но уже в следующий миг я осознала, что это не Оксана, а скорее… ее призрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.